

Служащему областной администрации Лебезякину приснилось, будто оказался он в небесной канцелярии. Повсюду белый, как снег, дымок. И сидит он на облачном диванчике. Рядом с ним расположилась небольшая группа людей в таких же, как и у него, синих пижамах. На запястьях у всех болтались пластиковые бирки с прописанными на них какими-то номерами. Справа в полной тишине и печали с опущенными головами стояла длинная очередь, чей хвост терялся далеко в облаках. В бесконечной цепи скорбных лиц смиренно томился и стар и млад, и толстосумы и бродяги, и здоровяки и калеки, и кого ещё только нельзя было увидеть в этой многоликой вселенской очереди. Поодаль на белоснежном взгорье возвышались закрытые золотые ворота, украшенные усаждающим взор чудным орнаментом с изображением диковинных птиц и зверушек. А слева громоздился обитый белым сукном высокий стол, за которым сидел седой почтенный старик, погружённый в глубокие думы. Кто-то из рядом сидящих зашамкал прямо в ухо: «Смотри, смотри... это же сам апостол Пётр!» Старец подозвал к себе из очереди скрюченную старушку, посмотрел ей в глаза, и вдруг, откуда ни возьмись, за его спиной явились два большекрылых ангела с ослепляющим лучезарным светом. Один из ангелов склонился над стариком и, указав рукой на диван, задал вопрос: «А эти пронумерованные откуда?» Старик дал ответ: «Не пойму. Не должно их здесь быть, — и, чуть помедлив, добавил. — Хотя с вон той особой всё ясно». Взяв золочёный посох и постучав им, словно о паркет, по небесной тверди, старец посмотрел под ноги и на кого-то осерчал: «Трихон, где тебя, лентяй бестолковый, носит? Прокляну ещё на тыщу лет!» Из облачного пола вынырнула рогатая башка с усыпанными пеплом лохмами, приплюснутым сальным носом, мохнатыми ушами и залитыми потом прокопчёнными щеками. Щёки в ярких лучах парящих ангелов лоснились синевой. От головы исходил, как после бани на морозном воздухе, лёгкий пар. Трихон прищурился и простодушными, уставшими глазками раболепно уставился на сердитого старика. «Забирай вон ту!» — приказал старец и показал на единственную в группе очаровательную белокурую женщину. «И того заодно захвати», — указал седовласый сухим перстом на важного хмурого мужчину, в котором Лебезякин узнал давнего знакомого по совместным праздничным застольям — мирового судью. Мировой судья часто заморгал маленькими испуганными глазёнками. Рогоносная голова исчезла и одновременно в сторону врат вместе со старушкой, которую они подхватили под руки, удалились ангелы. Женщина, на какую показал старик, неожиданно потеряла под собой опору и моментально пропала в закрутившейся под ней белой воронке. Вслед за ней туда же канул с жуткой гримасой

на лице, с диким протяжным стоном и судья. Тут старец исподлобья бросил строгий и проницательный взор на Лебезякина... За какое-то мгновение в пристальном взгляде Лебезякин не заметил вовсе ни гнева, ни осуждения, а успел прочесть только жалость и сострадание. Лебезякин, как нашкодивший ребёнок, испытал сильное угрызение совести, что оголодала и с жадностью набросилась грызть душу острыми зубками. Стало горько и стыдно до слёз, и Лебезякин захотел, пусть его об этом никто и не просил, выдавить из себя хоть какие-то слова оправдания, но не мог найтись с чего, с какой буквы начать. Все мысли спутались и скатались в большой клубок, в котором он никак не мог найти кончика, чтобы потянуть. «А в чём, собственно, дело? Какая моя вина? Жил, как все люди живут! — поначалу суетливо выбирал Лебезякин аргументы в свою защиту. — Пашу, как проклятый, с утра до вечера. Из кожи вон лезу, стараюсь! Всё для народа! Сколько можно? Надо же и о себе подумать! Ну, оттяпал от общего чуть-чуть... Там кроху отщипнул, тут урвал долю малую... Кое-где приписал чуток... Так положено. Казна-то большая. Чай не убудет. А кто не грешен? Все так делают!» Старик грозно сдвинул брови и Лебезякину поплохело. Было теперь вовсе не до оправданий.

«Премного виноват... Нет, не так, — трепетно соображал перепуганный Лебезякин. — Прошу меня, гражданин, выслушать... Не то. Не по своей воле, Ваша честь... И это не пойдёт! Знаете ли, уважаемый...» И только он собрался открыть рот, как почувствовал, что его тоже засасывает в бешено вертящуюся дыру. Лебезякин соскользнул с невесомого дивана, провалился в зловещий омут и, миновав пену развернутых облаков, увидел под собой кипящую лаву. Ещё он успел разглядеть среди бурливой и плевавшей огнём раскалённой массы небольшие задымлённые островки, на один из которых стремительно падал. А в свободных от чёрного дыма местах суетились подобные Трихону рогатые и хвостатые существа, что были увлечены каким-то важным делом. Но чем конкретно занимались эти существа, Лебезякин разобрать не успевал, поскольку до шлёпка оставалось совсем ничего. В потоках воздуха он барахтался, как беспомощный щенок, которого бросили в воду. Приближаясь к неизбежной участи, в невыносимой палящей жаре всё тело охватил ледяной ужас, дыхание застопорилось, ещё чуть-чуть и... он очнулся. Очнулся в какой-то лаборатории, где рядом, подключённые проводами к мигающим аппаратам, лежали знакомые личности с дивана. Судья, потерявший дар речи, выпучил глаза, а руками

вырисовывал в воздухе непонятные фигуры... Оказалось, что Лебезякин вместе с другими подопытными принял участие в испытании какого-то нового наркоза. Но как-то было удивление учёных, когда все, вставая с коек, начали наперебой рассказывать одно и то же про видения ангелов, апостола Петра и прочие чудеса.

Никогда Лебезякин не был таким подавленным и униженным, как после этой небесной аудиенции. Он почувствовал себя мелкой букашкой, ничтожеством перед неизвестной всевышней инстанцией, где царили неподвластные ни ему и никакой другой силе моральные законы, духовный суд и скорая на исполнение приговора и на расправу неслыханная карательная система. «С этими не шути! — вертелось в голове. — В лапу не дашь. И не подмажешь. Плохо будет! В два счёта без всяких сожалений пропуск на тот свет выпишут». Весь смысл существования полетел в мусорную яму, к чёртовой матери! «Это что же такое творится на белом свете! — попытался уже возмутиться про себя Лебезякин. — Где это видано, чтобы так с людьми поступали!» Он был сломлен и опустошён. Не привычно было оказаться в шкуре подопытной, бессильной обезьяны. Куда приличней Лебезякин находил себя в собственном уютном кабинете, в мягком кожаном кресле, где уже он был полновластным хозяином положения, царём горы и вершителем судеб. Лебезякин захотел было выразить свой протест вслух, но тут же зажал губы, насупил и втянул голову в плечи, содрогнувшись от одной только мысли снова оказаться наверху пред очами сурового старца или в общей похоронной очереди. Единственной на свете очереди, в которую можешь угодить в любую секунду и занять место вопреки своему хотению.

Учёные спешили усадить всех участников эксперимента в какой-то стеклянной комнате за столы и заставить подробно описать увиденное. И только та прекрасная женщина послала всех к чёрту и убежала из лаборатории. Кто-то невесело пошутил: «Видать, в церковь помчалась грехи замаливать!» Лебезякину вдруг стало невыносимо душно и ему тоже очень захотелось вырваться из этого таинственного учреждения и оказаться на пороге своего дома. И тут он проснулся во второй раз...

Резко оторвав голову от подушки, Лебезякин привстал и, тяжело дыша, огляделся. Обнаружив себя в родных стенах, он чуть успокоился, но ещё долго не мог прийти в себя. Страшный сон врезался в память до малейшей подробности, чего раньше никогда не случалось. Цветные натуральные сны Лебезякин видел разве что в детстве. Но то были сны волшебные и сладкие, залитые солнечным светом и теплом, от которых не хотелось просыпаться. Не то, что нынешний... Подневольно сознание доигрывало ночной кошмар, и Лебезякину чудилось, как Трихон со своими рогами и братьями налетели на него галдящей толпой, опрокинули навзничь, потоптались копытами по рёбрам и с диким хохотом поволокли по горячим и острым камням обмякшее тело терзать в преисподнюю, в самое что ни на есть пекло. От этих тягостных видений подташнивало и в ногах не унималась дрожь, но тут запыкал будильник и отвлёл от мрачных и мучительных мыслей. На дворе расцветала весна, и бьющая в залитое ярким светом оконное стекло весёлая дробь воробьиного чириканья возвратила Лебезякина к жизни.

Чуть отдышавшись, Лебезякин накинул халат, влез в тапки, нервно закурил и, чертыхаясь, направился в уборную.

Впереди ждали рабочий день и государственные дела.

